

УДК 351.746.1:94(470.620)

РАТУШНЯК Валерий Николаевич,
доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой дореволюционной отечественной истории
Кубанского государственного университета
ratushnyak_vn@mail.ru

RATUSHNYAK Valeriy Nikolaevich
Ph.D. in History, Professor. Head of the Chair of Pre-
revolutionary History of Russia, Kuban (Region)
State University.
ratushnyak_vn@mail.ru

**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ НА
КУБАНИ В НАЧАЛЕ XX В.**

**ARRANGEMENT OF DETECTIVE POLICE IN
THE KUBAN PROVINCE AT THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY**

В статье рассматривается вопрос о назревшей в начале XX в. необходимости создания сыскной полиции (уголовного розыска). На Кубани сыские отделения были созданы в Екатеринодаре и Новороссийске. Уже в первые годы своей деятельности они добились неплохих успехов в борьбе с уголовной преступностью. Поэтому финансирование розыскной деятельности было увеличено.

The paper considered an issue of urgency to establish a detective office under the police department (criminal investigation division) at the beginning of the 20th century. In the Kuban region the detective offices had been established in Ekaterinodar and Novorossiysk towns. Already in early years of their operation they succeeded a lot in their fight against criminal offence. Therefore expenditures for the criminal investigation offices had increased.

Ключевые слова: полиция, сыские отделения, преступность, агентура, инструкции, арестанты, полицмейстер, прокурор.

Key words: police, detective divisions (offices), delinquency, (detective) agents, instructions, prisoners, chief of city police, prosecutor.

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ проект № 14-11-23015
"История органов внутренних дел на Кубани в XX в."*

*Publishing has been arranged with funding by the grant by the Russian Humanitarian Science Fund in
the project № 14-11-23015 "History of Interior Ministry bodies in the Kuban region in the xx cent."*

Революционные события 1905–1907 гг. в России ознаменовались не только ростом общественного недовольства, но и обострением криминогенной ситуации в стране, в том числе и на Кубани. Сложившаяся обстановка настоятельно требовала не только увеличения полиции, улучшения ее материального положения и технической оснащенности, но и профессиональной подготовки. Жизнь, в частности, диктовала необходимость создания уголовного розыска, который бы, используя новейшие достижения криминалистики, мог успешно бороться с уголовной преступностью. Опыт такой имелся не только в европейских странах, но и в Петербурге, где почти три десятка лет существовало сыское отделение. К началу XX в. уголовно-розыскной работой активно занималась полиция Москвы, Киева, Одессы, Баку, Ростова-на-Дону. Рост уголовной преступности не могла не заметить и Государственная дума, признавшая необходимым организацию сыских отделений на всей территории России. 6 июля 1908 г. был издан закон «Об организации сыской части». Согласно этому закону в составе полицейских управлений Российской империи создавались «сыские отделения четырех разрядов для производства розыска по делам общеуголовного характера как в городах, так и в уездах» [2].

Сыские отделения 1-го разряда образовывались в таких крупных городах, как Киев (320 тыс. чел. населения), Харьков (210 тыс.), Тифлис (190 тыс.). 2-го разряда – в городах, имевших не менее 90 тыс. жителей. К таким, например, относился Ростов-на-Дону. Сыские отделения 3-го разряда создавались в городах с населением от 35 до 90 тыс. чел. К этому разряду были причислены Екатеринодар и Новороссийск. К 4-му разряду относились города с численностью населения до 35 тыс. Но для открытия в этих городах сыских отделений требовалось наличие в них высших административных, судебных, воинских учреждений или же крупных фабрично-заводских предприятий и железнодорожных станций. Вот почему ни Майкоп, ни Ейск, несмотря на то, что имели более 30 тыс. населения каждый, не вошли в список городов, имевших право открыть сыские отделения.

В состав сыских отделений входили начальник, его помощник (в сыских отделениях 1-го и 2-го разрядов), полицейские надзиратели, чиновники, столоначальники (в сыских отделениях 1-го разряда) и городовые. Штат сыских отделений был, как правило, небольшой – от 8 до 20 человек. Назначение на должность начальника сыского отделения, как и увольнение, шло «по предварительному сношению Губернатора и прокурора Окружного Суда» [3]. Как официальный начальник уездных и городских полицейских управлений, куда вошли и сыские отделения, губернатор оставался и их высшим начальником. Такая система управления определила и децентрализованный тип организации сыска. Это затрудняло поиск преступников. Каж-

дое сыскное отделение действовало самостоятельно, часто не имея необходимой связи с полицейскими отделениями не только других губерний, но своих собственных уездов. Как писал «Вестник полиции», «...нередко наблюдались и многие известные случаи, когда зарегистрированный преступник и даже разыскиваемый совершенно свободно проживал в уезде, в то время, когда его тщетно разыскивали в городе. Это объяснялось тем, что сведения о нем не имелись в распоряжении уездных полицейских властей или же за неимением у последних средств наблюдения преступник оставался без должной регистрации» [4, с. 118].

При всех недостатках организации уголовно-розыскной деятельности она имела и немало положительных сторон, которые были привнесены в работу полиции с организацией сыскных отделений. Так, в том же 1908 г. в составе департамента полиции МВД было создано новое 8-ое делопроизводство, которое координировало работу нарождавшегося уголовного розыска в России. Сформировано центральное регистрационное бюро, тесно связанное с местными регистрационными бюро сыскных отделений. В борьбе с уголовщиной все чаще и чаще использовались научно-технические средства для розыска и опознания преступников. В частности, на вооружение были взяты антропометрический (наука об измерении человеческого тела), дактилоскопический и фотографический методы.

9 августа 1910 г. была утверждена «Инструкция чинам сыскных отделений», которая конкретизировала систему организации и основные функции уголовно-сыскного розыска в России. Согласно Инструкции, сыскные отделения состояли из четырех подразделений (столов): 1) личного задержания, 2) розысков, 3) наблюдения и 4) справочно-регистрационное бюро. Последнее занималось учетом преступников, систематизацией сведений о них, выдачей справок о судимости и другими вопросами, способствовавшими поиску людей, преступивших закон.

В первом разделе Инструкции определялись цели и задачи сыскных отделений, основные методы работы. Так, первые параграфы гласили: «§1. Сыскные отделения имеют целью своей деятельности негласное расследование и производство дознаний в видах предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера. 2) Для выполнения назначенных задач отделения через своих чинов имеют систематический надзор за преступными и порочными элементами путем негласной агентуры и наружного наблюдения» [5].

Наружное наблюдение осуществляли штатные сотрудники – полицейские надзиратели. Они должны были следить за такими объектами, где чаще всего появлялись люди, не ладящие с законом (ресторанами, ночлежками, публичными домами и пр.). Негласное наблюдение велось лицами, которых вербовали из среды тех, кто по роду своих занятий чаще всего сталкивались с преступными элементами (кондукторы, служащие гостиниц, дворники и т.п.). Вербовалась агентура и из преступной среды.

Инструкция рекомендовала сотрудникам сыскных отделений проводить розыскную деятельность специализированно – по главным родам преступлений. Для этого устанавливались три категории профессиональной преступности: 1) убийства, разбои, грабежи и поджоги; 2) кражи и профессиональные воровские организации (карманные, магазинные, железнодорожные, конокрады и пр.); 3) мошенничества, подлоги, подделка денег, документов, контрабанда, шулерство и пр.). По каждой из этих групп преступлений и специализировались работники сыска, разделенные соответственно на три отряда. Некоторые пункты инструкции явно усложняли решение срочных оперативных задач. Так, для того чтобы «принять сыскные меры по какому-либо делу одновременно в разных местностях Империи», начальник сыскного отделения через полицмейстера должен был обратиться за разрешением к губернатору (начальнику области), а тот в свою очередь в департамент полиции МВД. На это, естественно, уходило немало времени, особенно в то время, когда почтово-телеграфная связь была несовершенна. Нецелесообразным считали специалисты и требование сотрудникам сыскных отделений всегда носить форменную одежду за редким исключением «в случаях особой необходимости». В то же время положительным было то, что деятельность сыскных отделений осуществлялась под руководством прокуроров окружных судов, которые контролировали процесс «негласных расследований, предпринимаемых в видах предупреждения деяний общеуголовных» [6].

О назревшей необходимости иметь сыскное отделение в Екатеринодаре говорит тот факт, что еще в конце XIX в. на сыскную работу выделялись небольшие средства екатеринодарской полиции, а 7 сентября 1907 г. в период обострения криминогенной ситуации городская дума постановила авансировать «на наем сыщиков 5 000 руб. в распоряжение полиции» [7, л. 30]. Мало того, прошло меньше месяца со дня опубликования закона об организации сыскной части, а уже 1 августа 1908 г. был составлен проект штата сыскного отделения 3-го разряда при полицейском управлении г. Екатеринодара, который включал в себя начальника отделения, трех полицейских надзирателей и четырех городских. Между начальником Кубанской области и прокурором Екатеринодарского окружного суда был согласован вопрос о кандидатуре началь-

ника сыскного отделения. Им стал 2-й помощник полицмейстера г. Екатеринодара Ювеналий Иванович Гапонов. В письме к прокурору начальник области М.П. Бабыч писал: «Чиновник Гапонов поведения и нравственных качеств хороших, человек молодой, энергичный и честный, к службе относится с усердием, отличается знанием и пониманием дела и, насколько я его знаю, вполне справится с выполнением возлагаемых на него обязанностей в должности начальника сыскного отделения» [8, л. 5–6].

Действительно, Ю.И. Гапонову было всего 28 лет, но он уже имел довольно богатый послужной список. В 18 лет поступил волонтером на службу в 77-й пехотный Тенгинский полк, затем учился в Тифлисском юнкерском училище. Работал канцелярским служителем в Карской городской полиции, переводчиком в Карском окружном суде, участковым начальником, младшим чиновником для особых поручений при военном губернаторе Карской области. Даже редактировал газету «Каре». 1 мая 1908 г. вступил в должность 2-го помощника полицмейстера г. Екатеринодара. Был отмечен приказом и благодарностью карского губернатора за задержание в 1907 г. трех опасных преступников. В том же году награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Вскоре сыскному отделению было арендовано здание, и с 1 ноября 1908 г. оно начало работу. Однако 3 апреля 1909 г. на имя начальника Кубанской области последовал рапорт екатеринодарского полицмейстера Д.С. Захарова, в котором он писал, что «со времени основания Сыскного отделения в г. Екатеринодаре было несколько случаев различного рода преступлений, из которых наиболее выдающиеся – это грабежи на Садах, убийство семейства Киффа и крупная кража у Руттера, но ни одно из этих преступлений сыскным отделением не открыто». Полицмейстер обвинил Ю.И. Гапонова в «плохой организации этого отделения», в его нежелании или неумении работать, «ибо право выбора сотрудников и полная свобода действий и самостоятельность ему предоставлены» [9, л. 39].

В связи с этим рапортом 8 апреля 1909 г. канцелярия начальника Кубанской области потребовала от начальника сыскного отделения дать отчет о проделанной работе. Оказалось, что за каких-то 5 месяцев немногочисленный штат сотрудников Ю.И. Гапонова провел немало операций по раскрытию преступлений. За это время было раскрыто 20 краж, задержано 7 беглых каторжников, 5 мошенников, 2 дезертира, 2 грабителя, 7 человек, причастных к ограблению типографии и убийству наборщика, выслано за пределы области 30 «лиц порочного поведения».

Представлен был и список нераскрытых 10 краж. 22 апреля 1909 года канцелярия начальника Кубанской области признала деятельность екатеринодарского сыскного отделения успешной [10, л. 40, 41, 45–49]. Как бы то ни было, но довольно скоро должность начальника екатеринодарского сыскного отделения стал исполнять пристав Александр Петрович Пришельцев – способный сыщик и самоотверженный человек. Суть же недоразумения между полицмейстером Д.С. Захаровым и Ю.И. Гапоновым, очевидно, заключалась в разном понимании ими форм сотрудничества. Еще в законе от 6 июля 1908 г. говорилось, что на сыщиков возлагались все права и обязанности, «присвоенные ныне полиции по исследованию преступных деяний». Позже Инструкция от 9 августа 1910 г. призывала «к полному единению сыскной и общей полиции», к оказанию содействия общей полиции сотрудникам сыскного отделения. На практике же дело происходило иногда по-иному. Каждое полицейское подразделение думало прежде всего о престиже и чести своего мундира. Это констатировал и журнал «Вестник полиции», сообщая, что органы общей полиции нередко не оказывали содействия уголовному сыску, не сообщали о происшествиях, которые случались на их участках. «Приставы рассуждали по-своему, – писал журнал, – нашли дураков, будем мы хорошее дело передавать от себя, да мы сами проведем его не хуже» [11, с. 368]. К тому же начальники сыскных отделений согласно закону входили «в состав полицейских управлений» и, следовательно, подчинялись полицмейстерам, которые нередко отвлекали сыщиков от их непосредственной работы. Так, начальник екатеринодарского сыскного отделения жаловался в 1909 г. прокурору на требование полицмейстера выделять сотрудников сыска для конвоирования арестантов. Ответом на это был подготовленный в областной канцелярии приказ, в котором говорилось, что начальник Кубанской области «признал необходимым в целях более успешной деятельности Екатеринодарского сыскного отделения выделить таковое из состава Екатеринодарского полицейского управления» и непосредственно подчинить ему и прокурору Екатеринодарского окружного суда. Отныне начальник сыскного отделения обязан был обо всех крупнейших и раскрытых преступлениях докладывать непосредственно начальнику области вне зависимости от подобного доклада полицмейстера. Это вовсе не означало игнорирование последнего. Полицмейстеру начальник сыскного отделения тоже должен был ежедневно сообщать о действиях его подразделения [12]. Таким образом, областное начальство брало под строгий контроль деятельность сыскной и общей полиции, в том числе и их взаимоотношения.

Создавалось сыскное отделение и в губернском городе Новороссийске. 15 августа 1908 г. в арендованном у городского архитектора С.А. Калистратова доме начал свою работу местный уголовный розыск, который, как и в Екатеринодаре, состоял из 8 сотрудников [13, л. 1, 19]. 16 октября городская дума приняла решение обмундировать и вооружить 4 сыскных городских, отвести сыскному отделению помещение с 5 комнатами, установить оклады: начальнику отделения – 1 200 руб. в год, 3 полицейским надзирателям – по 550 руб. каждому, 4 городским – по 360 руб. [14, л. 15–16].

Надо сказать, что кубанское начальство довольно быстро оценило значение сыскных отделений в деле борьбы с преступностью, и уже в 1909 году в своем «всепоподданнейшем отчете» начальник Кубанской области генерал-лейтенант М.П. Бабыч поставил вопрос «о целесообразности учреждения областного сыскного отделения», так как, по его мнению, «деятельность отдельных лиц и управлений (полицмейстеров в городах, атаманов отделов, станичных атаманов, участковых начальников) носит разрозненный характер, чем грабители пользуются, совершая преступления в районе деятельности одного лица и скрываясь в другом». «Организованный же сыск в одних руках, распространяя свои наблюдения на всю область, вне сомнения, имел бы возможность открывать следы сокрытия преступления и преступников всюду», – убеждал он [15, л. 4]. Это предложение начальника области обратило на себя внимание Николая II и по рекомендации Совета Министров было направлено министру внутренних дел [16, л. 4–5].

О необходимости создания областного сыскного отделения М.П. Бабыч писал и царскому наместнику на Кавказе графу И.И. Воронцову-Дашкову в сентябре 1909 г. При этом он ссылался на успехи екатеринодарских сыщиков, за короткий период работы которых «грабежи и разбои в городе совершенно прекратились, а простые кражи, если и случаются, то почти всегда виновные и похищенное тотчас же обнаруживаются» [17, л. 2–3].

29 октября 1910 г. штаб кавказского военного округа потребовал представить ему «журнальное постановление» Кубанского областного правления с обсуждением предложения начальника области, сведения о предполагаемом штате сыскного отделения и необходимых в связи с этим финансовых расходах. 8 февраля 1911 г. Кубанское областное правление заслушало и поддержало инициативу М.П. Бабыча. Областное сыскное отделение планировалось создать в виде летучего отряда, который бы мог появляться в тех районах и населенных пунктах Кубани, где была наиболее острой криминогенная обстановка. Содержать его предлагалось не за счет казны, а за счет войскового капитала, так как областным сыщикам главным образом пришлось бы бороться с преступностью в станицах и хуторах, то есть охранять жизнь и имущество казачества, Екатеринодарское сыскное отделение намеревались подчинить областному. Штат последнего должен был состоять из начальника отделения, 1 помощника, 5 надзирателей и 15 городских. Общий расход в год составил бы около 32 тыс. руб. Кавказское начальство поддержало предложение кубанского руководства. Однако министерство внутренних дел 27 апреля 1911 г. сообщило, что «затрудняется высказаться за осуществление ходатайства Кубанской областной администрации», мотивируя это тем, что по закону в июле 1908 г. сыскные отделения создавались в составе полицейских управлений городов, а не губернских учреждений. Так разумная инициатива не дошла до ее реализации в жизнь. Правда, департамент полиции с 1908 г. стал отпускать до 2 500 руб. в год на розыскные действия вне мест нахождения штатного сыскного отделения. К ним иногда прибавлялись и суммы (до 600 руб.), поступавшие от наместника царя на Кавказе [18, л. 21–25, 28, 29, 31, 37.]. Но этого явно не хватало, чтобы успешно вести уголовно-розыскную деятельность вне пределов крупных городов.

17 июня 1909 г. по указу Николая II военное положение на Кубани было отменено и в область хлынули те, кто покинул ее по приговорам станичных обществ, поднадзорные, административно-высланные и другие категории граждан, не отличавшиеся примерным поведением. Между тем увеличенные временно штаты полиции во многих населенных пунктах стали сокращаться. Так, в Екатеринодаре к 1911 г. число полицейских постов сократилось с 40 до 2 [19]. В Армавире многие вольнонаемные городские стали увольняться из-за несвоевременной оплаты их работы. 19 января 1913 г. газета «Кубанский курьер» сообщила о роспуске городского штата армавирской полиции и замене ее сельскими стражниками, профессиональная подготовка которых не шла ни в какое сравнение с опытными городскими. Причина роспуска – отказ армавирского сельского правления оплачивать расходы городской полиции в связи с тем, что значительно возросшее иногороднее население отказывалось участвовать в этих расходах.

Между тем криминогенная ситуация не только в Армавире, но и в других населенных пунктах края требовала увеличения штата кубанской полиции. Уже в июне 1909 г. издается закон об усилении полиции в Кубанской области, согласно которому не только увеличивался штат полиции в ряде крупных станиц Кубани, но формировался новый штат в станице Вознесенской (1 пристав и 28 городских) и в пос. Гулькевичи (1 полицейский надзиратель и 15 городских)

[20, с. 257–259.]. В дальнейшем действия закона об усилении полиции почти ежегодно продлевались.

Первая мировая война обострила экономическое и социально-политическое положение в России, ухудшился нравственный климат в стране, возросла преступность. 30 октября 1916 г. было утверждено царем положение Совета министров «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». Положение четко устанавливало штат полицейских в зависимости от численности населения. Так, на 400 городских жителей должен был приходиться один городской. На 4 000 жителей еще 1 полицейский надзиратель. В городах с 3–10 тыс. человек полагался пристав, при населении свыше 10 тыс. у него появлялся помощник. Полицейстеры назначались в городах с населением от 30 до 100 тыс. человек. В сельской местности (в станах) с численностью населения до 40 тыс. полагался становой пристав. Уездная полиция (станы объединялись в уезды) состояла из уездной полицейской стражи, куда включались офицеры, урядники, старшие стражники и стражники. Один офицер полагался на 250 стражников. Один стражник на 2 000 душ населения. Чины стражи должны были быть конными. На расходы, связанные с уголовным розыском вне мест нахождения сыскных отделений, государственное казначейство выделило отныне по 300 тыс. руб. ежегодно [21].

Надо сказать, что в городах Кубани соотношение полиции и населения в годы войны существенно отличалось от устанавливаемого правительством нормы в Европейской России. Так, в 1915 г. в Екатеринодаре один городской приходился на 492 жителя, в Майкопе – на 512, в Анапе – на 583, в Темрюке – на 683 и в Ейске – на 882 горожанина [22].

Нехватка полицейских сил на Кубани обратила на себя внимание царских властей, и 23 июня 1915 г. канцелярия кавказского наместника уведомила начальника Кубанской области об увеличении почти на 50% численного состава полиции кавказских городов и значительном улучшении ее материального положения. Это, по мнению канцелярии, «дает в настоящее время возможность местной власти поставить вопрос о принятии мер к охране общественной безопасности и государственного порядка в более нормальные условия» [23].

Но стремительно ухудшавшаяся социально-политическая обстановка в стране уже почти не оставила времени центральным и местным властям для проведения в жизнь каких-либо радикальных мер по стабилизации положения в России вообще и по реорганизации органов внутренних дел в частности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Полн. собр. законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3. Т. XXVШ. № 30672.
2. ПСЗ. Собр. 3. Т. XXVIII. № 30672.
3. Вестник полиции, 1913, № 5.
4. Инструкция чинам сыскных отделений. 9 августа 1910 г. – СПб, 1910.
5. Инструкция чинам сыскных отделений. 9 августа 1910 г. – СПб, 1910.
6. Госархив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 4. Д. 194.
7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 194.
8. ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 194.
9. Там же.
10. Вестник полиции 1909. № 30.
11. Там же. Л. 70, 74.
12. Новороссийский филиал ГАКК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342.
13. Новороссийский филиал ГАКК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342.
14. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 25.
15. Госархив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Д-2. 1917. Д. 20. ч. 12.
16. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 25.
17. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 25.
18. Кубанские областные ведомости. 15 февраля 1911 г.
19. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1909 год. – СПб, 1910. Т. 45.
20. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 30 октября 1916 г. № 307. Отдельный оттиск. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 131.
21. Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1916. Т. 21. – С. 5; Кубанские областные ведомости. 18 июля 1915 г.
22. Кубанские областные ведомости. 18 июля 1915 г.

REFERENCES

1. Poln. sobr. zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). Sobr. 3. T. XXVSH. № 30672.
2. PSZ. Sobr. 3. T. XXVIII. № 30672.
3. Vestnik politzii, 1913, № 5.

4. Instruktsiya chinam sysknykh otdeleniy. 9 avgusta 1910 g. - SPb, 1910.
5. Instruktsiya chinam sysknykh otdeleniy. 9 avgusta 1910 g. - SPb, 1910.
6. Gosarkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). F. 454. Op. 4. D. 194.
7. GAKK. F.454. Op. 4. D. 194.
8. GAKK. F. 454. Op. 4. D. 194.
9. Tam zhe.
10. Vestnik politsii 1909. № 30.
11. Tam zhe. L. 70, 74.
12. Novorossiyskiy filial GAKK. F. 2 . Op. 1 .D. 342.
13. Novorossiyskiy filial GAKK. F.2. Op. 1. D. 342.
14. GAKK. F. 318. Op. 6. D. 25.
15. Gosarkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 102. D-2. 1917. D. 20. ch. 12.
16. GAKK. F. 318. Op. 6. D. 25.
17. GAKK. F. 318. Op. 6. D. 25.
18. Kubanskie oblastnye vedomosti. 15 fevralya 1911 g.
19. Sbornik pravitelstvennykh rasporyazheniy po kazachim voyskam za 1909 god. - SPb, 1910. T. 45.
20. Sobranie zakononiy i rasporyazheniy pravitelstva. 30 oktyabrya 1916 g. № 307. Otdelnyy ottisk. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 131.
21. Kubanskiy sbornik. - Ekaterinodar, 1916. T. 21. - S. 5; Kubanskie oblastnye vedomosti. 18 iyulya 1915 g.
22. Kubanskie oblastnye vedomosti. 18 iyulya 1915 g.